

Следующий доклад Арсения и Амвросия от 11 июля был посвящен подбору кандидатов на архиерейские кафедры. Там уже говорилось о возможных кандидатах на Московскую кафедру<sup>20</sup>. В докладе от 17 ноября даются «резоны» восстановления в Москве епископии. Авторы исследовали Духовный регламент и пришли к выводу о том, что ни в Регламенте, ни в указах Петра I нет никаких запретов на существование в Москве епархиального архиерея<sup>21</sup>. Только после этого появился на свет доклад 1744 года об искоренении раскола, где рост числа раскольников авторы объясняют отсутствием твердой церковной власти, что в свою очередь объясняется отсутствием власти первоиерарха<sup>22</sup>.

Совокупный анализ всех докладов Амвросия и Арсения приводит к мысли о том, что сама по себе идея патриаршества мало что значила для обоих епископов. Гораздо более архиереи были обеспокоены отсутствием легитимной церковной власти на местах, особенно в Московской епархии. Арсений и Амвросий – практики. Недовольные отсутствием епископа в Москве они подали доклад о патриархе (то, что патриаршество было не главным, свидетельствует и название первого доклада – «о церковном благочинии»). Видя, что их инициатива вызвала неприятие придворных кругов и даже некоторых иерархов, митрополиты пожелали обеспечить «благочиние» путем восстановления епархиальной Московской кафедры. Расчет архиереев оправдался. Были открыты Московская, Переяславская, Владимирская епархии, что, несомненно, сказалось на управлении обширных территорий бывшей Патриаршей области.

Таким образом, появление вышеназванных проектов было вызвано к жизни другими причинами, нежели восстановление патриаршества. Слова о выборе патриарха в проектах Аврамова, Амвросия (Юшкевича) и Арсения (Мацевича) вряд ли могут служить достаточным основанием для тезиса, что данная идея волновала умы в обществе. Даже среди иерархии, реалистично оценивавшей политическую ситуацию, на первое место выходили конкретные проблемы церковного управления, а не аморфная мысль о ликвидации синодального строя.

*Алексеева С.И.*

*Доцент кафедры истории Балтийского государственного  
технического университета СПб, кандидат исторических наук.*

## ТРАДИЦИЯ СИМФОНИИ И ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

В историографии давно утвердился взгляд на синодальную эпоху как время искажений идеала симфонии в отношениях Русской православной церкви и государства. Исследователи совершенно справедливо связывают это с влиянием на российское правосознание и политическую жизнь протестантской доктрины территориализма и государственной церковности<sup>1</sup>. Не подлежит сомнению и то, что содержательная сторона упомянутых искажений на протяжении двухвековой синодальной эпохи не могла оставаться неизменной. В этом смысле особого внимания заслуживает пореформенная эпоха, когда Россия впервые отходит от жестких установок регулярного государства, когда верховная власть оказывается в ситуации глубокого кризиса, когда реализация принципов абсолютной монархии существенно ограничивается ходом Великих реформ, действием законов экономики, уровнем общественного сознания, усложнением механизмов государственного управления, процессами десакрализации власти. В такие переломные эпохи неизбежно встает проблема исторической преемственности преобразований, поиска идейной и исторической опоры обновленческих процессов. И это позволяет еще раз задуматься, насколько глубоко церковная реформа Петра I потрясла традиционные основы церковно-государственных отношений в России, а также какие направления в их многовековом развитии оказались наиболее устойчивыми и были восприняты властью.

<sup>20</sup> Там же. Прил. 5. С. 25, 28.

<sup>21</sup> Там же. С. 28, 29.

<sup>22</sup> Там же. Прил. 10. С. 42–46.

<sup>1</sup> *Цыпин В., прот.* Симфония церкви и государства // Православная государственность: 12 писем об Империи. Сб. статей / Под ред. А.М. Величко и М.Б. Смолина. СПб., 2003. С. 18.

Во-первых, следует остановиться на вопросе о реальном статусе российского императора в Церкви. Понятие о нем как главе Церкви, де-юре зафиксированное Павлом I в законе о престолонаследии 1797 г., разделялось и культивировалось в пореформенное время небольшой частью общества. К непосредственным носителям этой идеи следует причислить императорский двор, императорскую фамилию, тесно связанные с ними придворное и военное духовенство, часть правительственной бюрократии и, в меньшей степени, школу, духовную и светскую. Все они по убеждению или нередко вынужденно должны были придерживаться официальной доктрины государственного суверенитета. И доктрина эта была весьма живучей. Вряд ли можно согласиться, что при кодификации российского законодательства в 1832 г. формула императора Павла лишилась силы прямого закона, поскольку сам закон о престолонаследии оставался юридическим актом прямого действия вплоть до отречения Николая II. Иначе трудно объяснить, почему глава Комиссии по преобразованию судебной части В.П. Бутков в своем проекте реформы высших органов власти и министерств 1867 г. предложил ввести в Синоде председательство императора как главы Церкви<sup>2</sup>. И трудно понять, откуда почерпнул такое видение церковных полномочий царя великий князь Александр Михайлович. Комментируя церемонию коронации своего тестя Александра III, великий князь объяснял причащение императора по чину священнослужителей именно тем, что русский монарх — глава Церкви<sup>3</sup>. Хотя на самом деле чин императорской коронации восходил к византийскому образцу и символически воплощал идеал симфонии, а не синодальную традицию.

Массовому, особенно народному сознанию представление об императоре как главе Церкви оставалось чуждым. И в конце XIX в. в народе продолжало бытовать вполне симфоническое понятие о единстве светской и духовной власти; о патриархальности, божественном происхождении власти царя, ее религиозных основах; об императоре — помазаннике Божьем, православном царе, его нравственно-религиозной ответственности перед Богом<sup>4</sup>. Заметим, что в отличие от священных прав и преимуществ самодержавной власти священные обязанности российского монарха в Своде законов Российской империи не были изложены в нормах положительного права.

Неоднозначным было отношение к главенству императора в Церкви основных направлений общественно-политической мысли. Идеал симфонии исповедовали славянофилы. В стане русских консерваторов, как и среди высшей бюрократии, единства по вопросу о церковных полномочиях монарха не было. Часть из них склонялась к допетровской модели симфонии. Наиболее ярко эту линию представлял государственный контролер Т.И. Филиппов и его окружение. В круге поклонников петровской реформы, сторонников идей обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева и теоретика консерватизма Л.А. Тихомирова в конце XIX в. получила распространение теория ктитинства, у истоков которой стоял историк С.М. Соловьев. Понятие об императоре как «верховном ктиторе Русской церкви», ее попечителе, как бы приближаясь к православному каноническому правосознанию, должно было заместить не только формулу императора Павла, но и определение присяги синодальных членов, называвшей царя «крайним Судией» Синода.

Определения императора как охранителя канонического порядка власть принять не смогла, поскольку это разрушало принцип неответственности монарха ни перед кем в своих действиях. В 1880-е гг. теория ктитинства вошла в состав новой концепции власти — теории «народного самодержавия». Она активно использовалась К.П. Победоносцевым в апологии церковной реформы Петра I и противопоставлялась кампании по восстановлению патриаршества, инициированной в 1891 г. Т.И. Филипповым и ректором Московской духовной академии Антонием (Храповицким) при поддержке митрополита Московского Леонтия (Лебединского).

Что касается мировоззрения высшего духовенства и императоров пореформенной эпохи, то оно, безусловно, было двойственным. Архиерейские программы реформы высшего церковного управления, отрицая крайности доктрины государственной церковности, не были направлены на полный демонтаж синодальной системы. Изредка они содер-

<sup>2</sup> РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1250. Оп. 2. Д. 73. Л. 44.

<sup>3</sup> Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 1999. С. 75.

<sup>4</sup> См. напр.: Лобачева Г.В. Самодержец в России: образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX — начало XX веков). Саратов, 1999. С. 49–54.

жали ссылки на отдельные положения симфонической модели церковно-государственных отношений. Теоретический идеал симфонии был ярко начертан в государственном учении митрополита Филарета (Дроздова), утверждавшего в основе союза престола и алтаря самостоятельную истину, поддерживающую и тот, и другой. Составив в 1856 г. к коронации Александра II особый «Чин» причащения святых тайн венчанного и помазанного императора, Филарет поставил точку в развитии литургической традиции почитания сакральной особы царя. Он первым наметил тенденцию к ограничению императорского культа в Церкви сокращением числа служб, посвященных событиям в царствующем доме.

Одной из важнейших прерогатив императора оставалось назначение и перемещение архиереев по представлениям обер-прокурора Синода. Традиционно он не вторгался в суждения о вероучительных предметах. Снижалось и вмешательство монархов в повседневную деятельность Синода. Они никогда не принимали непосредственного участия в его заседаниях и выступали арбитрами в дискуссиях синодалов только по отдельным вопросам. Кризис единовластия привел к тому, что сам К.П. Победоносцев констатировал невозможность непосредственного участия царских особ в работе Синода. И только митрополит Платон (Городецкий) полагал ввести кого-либо из них в состав Синода, скорее из протеста против бюрократического «средостения» между императором и Церковью.

Во-вторых, почти невозможно говорить о существовании независимых сфер компетенции государства и Церкви в пореформенное время и наличии у нее особых инструментов власти. Так, политика самодержавия была направлена против возрождения практики церковных отлучений, канонизации святых. Большинство определений Синода по-прежнему нуждалось в санкциях императора. Лишь в 1881 г. окончательному решению Синода был предоставлен небольшой круг дел церковного управления, что не усилило его самостоятельность. Симфоническая установка на отрицание юрисдикции государства в делах Церкви (помазается только государь, а не государство) возобладала в отношениях Синода с высшими органами власти и в вопросе его финансовой автономии от Государственного контроля. В начале 1860-х гг. митрополит Филарет выступил против проекта министра внутренних дел П.А. Валуева о введении высшего духовенства в Госсовет, проведя грань между достоинством церковной власти и возможной ответственностью за политические решения правительства. Филарет был склонен допустить только корпоративное участие Церкви в гражданских делах. Его взгляд был принят властью из нежелания инициировать процесс правительственного конституционализма. Но он не был усвоен самим духовенством, что показал опыт его участия в работе созданного в 1906 г. российского парламента. Дело же защиты финансов Церкви общество восприняло со злободневной позиции критики крепостничества, а не через призму канонической традиции.

Вопрос восстановления соборности Церкви, т.е. ее подлинной самостоятельности находился за чертой реформаторских возможностей самодержавия и ученого монашества. В соборном начале власть неизменно видела начало Земского собора и угрозу ограничения самодержавия. Поэтому тема реставрации симфонии в пореформенное время замыкалась больше на вопросе восстановления патриаршества. Однако митрополит Филарет считал этот шаг формальным, поскольку «светская власть начала тяготеть над духовною» и весь церковный организм был разбит Петром I на куски. Тем не менее, общество усваивало самому Филарету «quasi роль Всероссийского патриарха», Уловив это настроение, власть пошла на шаг, беспрецедентный в анналах синодальной истории. В 1866 г. Филарет стал первым русским архиереем со времени упразднения патриаршества, которому было предоставлено право предношения креста при священнослужении, а также ношения креста на митре и двух панагий. Впоследствии таких же отличий был удостоен и первенствующий член Синода митрополит Петербургский Исидор (Никольский).

Наконец, не приходится говорить о нравственно-моральном контроле духовенства над действиями верховной власти, когда даже высочайшие аудиенции для архиереев, восстановленные в 1881 г. по настоянию К.П. Победоносцева, были возможны лишь под контролем синодальной обер-прокуратуры или по протекции влиятельных лиц. В известной степени на роль морального авторитета претендовал Филарет. А после его кончины последняя связь иерарха непосредственно с самим государем держалась в лице митрополита Платона (Городецкого).

Итак, церковно-государственные отношения в рассматриваемое время оставались внешне стабильными. Сотрудничество, взаимная поддержка, ответственность государства и Церкви осуществлялись в рамках синодальной традиции. Канонические устои во многом были поставлены на службу светской власти (как в случаях с инициированной при Александре II кампании по поддержанию престижа России в глазах европейского общественного мнения, опровергавшей предубеждения католического духовенства о полной зависимости Русской церкви от светской власти; с дискуссией о судебных прерогативах Синода; с удалением из его состава в 1881 г. белого духовенства или с обсуждением вопроса об изменении канонического строя Церкви)<sup>5</sup>. Но характер пореформенной эпохи был переходным, двойственным. Впервые в своем повседневном поведении самодержавие было вынуждено признать, что «цезарепапизм» петровской реформы никогда не был освоен и признан православным сознанием. Сужение социальной базы монархии заставило ее апеллировать к новой концепции власти — теории «народного самодержавия» к лояльности податных низов, к крестьянству — подлинному носителю симфонической традиции, что на официальном уровне отозвалось теорией ктитинства императора в Церкви.

Пойти по пути продолжения огосударствления Церкви в условиях общего кризиса власти монархия уже не смогла. Эта политика не удовлетворяла не только православное духовенство, но и часть светского общества, открыто критиковавших наследие графа Н.А. Протасова. Дальнейшее «обезличение» Церкви грозило новыми осложнениями дискуссий со старообрядчеством, а также отношений с православными и инославными церквями. В пореформенный период ни один проект, закреплявший за обер-прокурором Синода права министра в отношении к присутствию Синода, не продвинулся дальше стадии обсуждения.

Но и о реставрации симфонии речи не шло. В середине XIX в. в основу реформ был положен либерализм западного толка, а Церковь столкнулась с необходимостью выстраивать отношения симфонии уже с обществом. Необычайно усилилось также давление имперского фактора. Поликонфессиональность страны отражалась на составе высших органов власти, вторгавшихся в компетенцию Церкви. Живыми носителями традиции государственной церковности были Прибалтика и Финляндия. Примат священства исповедовали католическая церковь и униаты. Отказ в восстановлении соборности Церкви диктовался в том числе и опасениями распада империи. Таким образом, проблема восстановления духовной преемственности с предшествовавшей эпохой симфонии натолкнулась на предел реформаторских возможностей самодержавия.

*Запальский Г.М.  
(Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова,  
ЦНЦ «Православная энциклопедия»)*

## **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ. В ВОСПРИЯТИИ МОНАХОВ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ**

Известно, что Февральская революция 1917 г. была встречена духовенством с большим подъемом: рушилась ненавистная синодальная система, открывалась дорога к свободе, реформам. Но все же в основном этот энтузиазм затронул белое духовенство. Достаточно взглянуть на состав стихийно созываемых в епархиях съездов духовенства и мирян, приветствовавших новую власть: настоятели монастырей и рядовые монахи на них присутствовали в минимальном количестве. В критический момент черное духовенство оказалось в большей степени верным престолу. Незадолго до этих событий, в 1909 г., во время Всероссийского съезда монашествующих, монастыри специальным постановлением были призваны к патриотической деятельности во время войн и внутренних смут: усердным молитвам за царя и Отечество, патриотическим проповедям и, наконец, готовности пролить кровь за императора<sup>1</sup>.

<sup>5</sup> Алексеева С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856-1904 гг. СПб., 2003. С. 44, 60, 87–88, 142–151

<sup>1</sup> Серафим [(Кузнецов)], иеромонах. Первый Всероссийский съезд монашествующих 1909 года. Воспоминания участника. М., 1999. С. 256–257.